

А Иннокентий Анненский. Леконт де Лиль и его "Эринии"

Серия "Литературные памятники"

Иннокентий Ф. Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979

OCR Бычков М.Н.

I

В Люксембургском саду, в Париже, вот уже десять лет красуется статуя Леконта де Лиль, а между тем не прошло и пятнадцати со дня его смерти.

Очень знаменательный факт, особенно ввиду того, что поэт никогда не был популярен даже между парижан.

Есть поэтические имена, вокруг которых долго после того, как они перешли в надгробие, все еще кипит вражда. Бодлер умер сорок, а Гейне целых пятьдесят лет тому назад, но историку одного из этих поэтов и в наши дни недостаточно вооружиться грифелем и свитком своей музыки – он, должен обладать еще мускулами Одиссея, чтобы унести к себе неопороченным мертвого героя.

Не таково имя Леконта де Лиль.

Оно сделалось историческим еще при жизни поэта, а теперь ретроспективно творчество знаменитого креола кажется нам чуть что не планомерным.

Когда в 1852 г. скромный учитель уже на 35 году от рождения впервые выступил со сборником "Античных поэм", то не кто иной, как Сент-Бев {1}, отметил в новой книге замечательные стихи.

Перед читателями был уже вполне готовый поэт. Позднейшей критике оставалось только углублять и оттенять в нем черты, раз навсегда намеченные автором "Новых понедельников". Это были: 1) широта изображения; 2) идеалистический подъем и, наконец, 3) удивительный стих, который лился у нового поэта непрерывным, полноводным, почти весенним потоком, ничего не теряя при этом из своей плавной величавости.

Сент-Бев обратил, между прочим, внимание на одну пьесу Леконта де Лиль, и я не могу не выписать здесь же хотя бы двух заключительных ее строф, с такой пронзительностью критик в первой же книге африканца напал на ключ ко всему, что он писал потом:

Mais si, desabuse des larmes et du rire,
Altere de l'oubli de ce monde agite,
Tu veux, ne sachant plus pardonner et maudire,
Gouter une supreme et morne volupte,

Viens! Le soleil te parle en paroles sublimes;
Dans sa flamme implacable absorbe toi sans fin;
Et retourne a pas lents vers les ci'fes infimes,
Le coeur trempé sept fois dans le neant divinl {*).

{* Poemes antiques, p. 293. Но если, наскучив слезами и смехом, жадный забыть этот суетливый мир, не умея более ни прощать, ни проклинать, ты захотел бы вкусить последней и мрачной улады – Приди! Слова Солнца великолепны. Дай неукротимому пламени его вдосталь тобой надышаться... А потом вернись медленно к ничтожеству городов, с сердцем, седмижды закаленным в божественном Небытии (Neant).}

В этих строфах – весь Леконт де Лиль.

Жизнь этого поэта была именно высокомерным отрицаньем самой жизни ради "солнечного воспоминания". С внешней же стороны она стала сплошным литературным подвигом. И интересно проследить, с какой мудрой постепенностью поэт осуществлял план своего труда.

Античная традиция была им воспринята именно там, где оставил ее в XVIII в. Андре Шенье {2}, и Эллада "Античных поэм" имеет еще Александрийский колорит. Молодой поэт Второй империи уже не удовлетворяется, однако, заветами своего предтечи.

Sur les penses nouveaux faisons des vers antiques {*).

{* Новые мысли вложим в античные стихи (фр.).}

Настали другие времена. Теперь обаяние античности открывалось уже не идиллическому певцу, а ученому, и он должен был владеть для этого иными красками.

От древности требовали, кроме стиха и сказки, еще и ее пейзажа, ее мысли, исканий и веры.